

ПРИНЦИП ТВОРЧЕСКОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ (К философским основам современной педагогики)

«Скажи мне, Сократ, изучимали добродетель?» – этим вопросом начинается Платоновский «Менон», и такова же тема «Протагора». Отрицательный ответ, который дает на этот вопрос Платоновский Сократ, приобретает особенную парадоксальность благодаря тому, что этот тезис соединяется с другим, согласно которому добродетель есть знание, и даже опирается на него: добродетель есть знание, и добродетель неизучима. Само знание тоже неизучимо – если только под учением понимать передачу и механическую рецепцию в готовом виде преподносимой «мудрости». Парадоксальность первоначального тезиса обнаруживает, таким образом, необходимость иного определения самого понятия учения и реформы того отношения, которое им выражается. Говоря Платоновскими формулами: знание не сообщается как бы переливанием из одного сосуда в другой (Symposium 175 Д), учиться – значит самому у себя находить (Theaetetus, 150 Д), овладевать своим собственным познанием (Phaedo, 75 Е). Новейшее движение в педагогике привело к возрождению этого положения сократо-платоновской педагогики. Учение мыслится как совместное исследование: вместо догматического сообщения и механической рецепции готовых результатов – совместное прохождение того пути открытия и исследования, который к ним приводит. Система, в основу которой было положено пассивное восприятие

готовых результатов, копирование данных образцов – одна лишь бездеятельная и бесплодная рецептивность, должна быть заменена системой, основа и цель которой – развитие творческой самодетельности. На основе творческой самодетельности субъекта стремится современная педагогика построить процесс и всю систему образования. Правомерность этой попытки и, значит, судьба на принципе творческой самодетельности построенной педагогики зависит, однако, от решения одной радикальной философской проблемы. Ее уяснению в данной связи посвящена настоящая статья.

Как ни значительно вообще расхождение различных направлений и систем по основным вопросам философии, в вопросе об отношении между познанием и его предметом, определяющим истинное знание, ясно и определенно выступает одно господствующее воззрение. Уже первое разграничение рефлексии между субъективным представлением, видимостью, иллюзией и тем, что признается объективным предметом, вещью, бытием, применяет и ясно обнаруживает тот критерий, который затем проходит определяющим принципом через теоретико-познавательные концепции различных философских систем. Наивное сознание признает объективным миром, бытием окружающий нас мир вещей, потому что, данный в чувственном восприятии, он представляется нам, когда, живя и дейст-

вужа, мы сталкиваемся с ним, готовым без нас и независимо от нас: он дан нам, а не создан нами; мы его как опыт испытываем, он нами воспринимается, т.е. как будто пассивно приемлется, а не конструируется, – словом, он независим от нас. Объективность бытия полагается в независимости его от знания. Все дальнейшее развитие реалистических систем заключалось в том, что все дальше отодвигалась проводимая согласно этому критерию демаркационная черта: все большая сфера содержаний обнаруживала свою зависимость от субъекта сознания, и соответственно этому все дальше отодвигалась сфера объективного бытия. Сначала разрез проводится в сфере чувственных качеств: когда обнаруживается субъективная обусловленность некоторых из них, они как «вторичные» качества отделяются от «первичных», которые одни относятся к объективному бытию (Локк). Когда затем обнаруживается, что и первичные качества так же мало независимы от субъекта (Беркли), бытие, объективность которого определяется его независимостью, отступает еще дальше. Так последовательно создаются понятия материи, субстанции, трансцендентного абсолюта. Таким образом, содержание, относимое к бытию, меняется, но критерий, принцип, определяющий его, остается неизменным. Но если бытие в своем отношении к знанию определяется своей независимостью от него, то знание должно в своем отношении к бытию, предмету знания, определяться своей рецептивностью. Позитивизм формулирует этот тезис с особенной четкостью. Бытие он принципиально отождествляет с данностью, а знание – с рецепцией этой данности. Основной принцип эмпиризма, согласно которому истинное знание – только в опыте, в восприятии того, что дано в чувственном созерцании, есть лишь частный случай более общего принципа. Если эмпиризм ограничивает

бытие чувственным опытом, то делает это лишь потому и лишь поскольку он предполагает, что только чувственность – чистая рецептивность, только ей предстоящее содержание – непосредственная данность. Но в основе его лежащий принцип, во имя которого эмпиризм проводит это ограничение, сам по себе шире; он остается неизменным, определяется ли познание как созерцание чувственное, интеллектуальное или мистическое, поскольку созерцание вообще означает: непосредственная данность бытия. Объективность знания полагается в независимости его предмета от познания. Общая задача познания, которое всегда хочет познать то, что есть, так, как оно есть, сводится здесь к принципу: принимать то, что дано, так, как оно дано. Принимать бытие в его данности, брать предмет знания в том его содержании, которое дано, т.е. не вносить ничего от себя, – кажется, что это означает принимать в неприкосновенности его самого, признавать его в его подлинном и непосредственном бытии. И поэтому представляется само собой разумеющимся, что познавать бытие так, как оно есть, это именно значит признавать то, что дано, так, как оно дано. В таком случае истинное знание по самому определению своему – чистая рецептивность.

Однако если объективистические системы определяют объективное бытие независимостью от сознания, то из того же определения исходят и его предполагают системы субъективного идеализма и именно на нем основывают они свою субъективистическую критику бытия, которая, разрушая его, превращает бытие в содержание сознания, мир – в мое представление.

Общая схема такого построения выступает особенно рельефно в трансцендентальном идеализме Канта. Основной тезис трансцендентального идеализма утверждает, что все бытие, доступное

знанию, есть лишь «явления», т.е. только представления, которые вне нашей мысли «не имеют никакого в себе обоснованного существования». Это положение, которое превращает бытие, предмет знания в производную функцию обосновывающей его мысли, – есть вывод, к которому приходит кантовский анализ. Спрашивается: над каким объектом был он произведен? Из какого понятия бытия исходит тот анализ, который в результате приводит к трансцендентальному идеализму? Кант ограничивает бытие пределами чувственного опыта. «Чувственностью предметы даются», – говорит Кант, – и только таким образом, – замечает он, – могут они нам быть даны. Если способность давать предметы и иметь своим содержанием сам предмет есть исключительное свойство чувственности, то эта прерогатива ее должна покоиться в самой природе чувственности и в отличительных ее особенностях находить себе обоснование. Чувственность определяется Кантом как рецептивность, т.е. как способность пассивного восприятия. Предмет дан только в чувственном восприятии. Исключительная особенность чувственности – рецептивность. Следовательно, предмет имеется только там, где есть рецептивность со стороны познания и, значит, со стороны его содержания независимость его от знания. Соответственно этому бытие отождествляется с данностью. Вопрос о существовании вещи связан исключительно с вопросом о том, «дана ли нам такая вещь». Итак, бытие, из которого исходит анализ Канта, – это данность чувственного опыта, содержание которого «дано до синтеза рассудка и независимо от него», и понятие объективности, которое определяет для него предмет знания, – это негативная идея независимости от познания. Приступая к критическому анализу бытия, Кант должен вскрыть и определить его содержание. При этом оказывается,

что содержание чувственного опыта определяется как многообразие чувственных данных. Но это многообразие данного в своей конфигурации обнаруживает наличие различных отношений и связей между его содержанием, которые связывают их в комплексы и объединяют в единство объекта. Однако эти связи между содержаниями данного сами не суть данные содержания. «Связь, – говорит Кант, – единственное из представлений, которое не может быть дано объектом и не может быть воспринято в нем». Всякая объединяющая связь необходимо заключает в себе элемент конструктивности и потому не может быть отнесена к данности. Таким образом, все данное в опыте представляет из себя комплекс содержания, отношения которых и связь между которыми сами не суть содержания того же комплекса. Дано многообразие чувственного созерцания, а связи между этими данными содержаниями лежат вне данного. Данное не может поэтому в своем собственном содержании замкнуться в заверщенное в себе и потому самостоятельное целое. Оно предполагает больше, чем оно в себе заключает, и само, таким образом, выводит за пределы своего содержания, ставит себя в зависимость от чего-то, что вне его, и обнаруживает этим свою несамостоятельность. Поэтому оно по справедливости должно быть признано явлением, которое не имеет «никакого в себе обоснованного существования» *keine in sich gegründete Existenz*. Оно признается лишенным в себе обоснованного существования, потому что оно несамостоятельно и оно оказывается несамостоятельным в своем содержании именно потому, что оно предполагалось независимым, т.е. не включающим конструктивного содержания знания. Субъективизм, к которому приходит критицизм, есть, таким образом, результат того негативного понятия объективности, которым оперирует догматический

объективизм и которое, как оказывается, предполагает субъективистический критицизм, полагая объективность в независимости данного. Независимость в смысле данности есть для объекта чисто внешнее, отрицательное отношение к чему-то другому – к по знающему, не определяющее положительного отношения его содержаний между собой; поэтому данное, не созданное, воспринятое, не конструированное, в этом смысле независимое от познания, оно может быть не-самостоятельно в своем содержании, в том, что оно есть. Независимость, в которой ищут критерий объективности, есть лишь негативное выражение самостоятельности. Самостоятельна же такая совокупность содержаний, все отношения между элементами которой сами суть элементы той же совокупности, так что она замыкается в законченное целое, каждый элемент которого совершенно определен в пределах того же целого. Тогда это целое не имеет предпосылок вне себя; все ее предпосылки включены в самое систему, и эта система имеет «в себе обоснованное существование». Объективность нужно поэтому искать не в независимости от чего-то другого, не в этом отрицательном и чисто внешнем для содержания объективном отношении, а в завершенности его собственного содержания, и определяться объективностью какого-либо комплекса содержаний должна взаимоотношениями элементов того же комплекса. Объективно не то, что дано, а то, что завершено.

Эта абстрактная идея системы, каждый элемент которой вполне определен в пределах той же системы, может быть пояснена сравнением с совершенством формы художественного произведения. Когда, знакомясь с каким-либо художественным произведением, читая, например, роман, мы находим в нем характеристики действующих лиц, которые автор дает от себя, мы всегда испытываем это как не-

совершенство художественной формы. Мы хотели бы, чтобы характер каждого действующего лица выявлялся из его взаимоотношений с другими действующими лицами того же произведения, и он бы, значит, определялся своими отношениями внутри того же художественного целого. Тогда действующие лица живут своею собственной жизнью, тогда, – а не в том случае, когда они – копия чего-либо данного, воспроизведенного так, как оно было воспринято, – являют они как бы самостоятельную реальность. Художественное произведение тогда смыкается в законченное целое; в завершенности его содержания создается самостоятельный «мир» художественного произведения. Чем совершеннее художественное произведение, тем более завершенное целое, тем более самостоятельный «мир» оно из себя представляет. Значит, чем значительнее творческая деятельность художника, его создавшего, тем более самостоятельным целым является его творение. <...> Объективность какой-либо совокупности содержаний зависит не от того, входит ли в состав его что-либо от меня исходящее и мной вносимое или нет, значит, не от того, дано ли оно или создано, воспринято или конструировано, а от того, замыкается ли оно в завершенное самостоятельное целое. Тем самым преодолевается конфликт между объективностью и творческой самодеятельностью. Между ними не только нет антагонизма, объективность не только не исключает, она необходимо включает в себя элемент творческой самодеятельности. Недаром, когда искали объективное бытие, основываясь на критерии независимости, нигде не могли его найти. Как ни пытался реализм и вообще объективизм определить бытие, как ни отодвигал его во все более отдаленную сферу, идеализм повсюду настигал его и торжествовал над ним победу, доказывая, что его бытие поистине – только содер-

жание сознания, его мир – только мое представление.

Реализм, вообще объективизм, построенный на этой основе, всегда оказывался догматизмом, а критицизм приводил к субъективному идеализму. Оба они оперировали тем же понятием бытия, и на основе его создавался неразрешимый конфликт между ними. Нет и не может быть восприятия как формы познания, которое было бы чистой рецептивностью и которому дано было бы объективное бытие, некоторое самостоятельное целое. Рецептивность, которая лишь приемлет данное, – некоторый конгломерат, выделенный случайным сечением через сферу бытия, – всегда должна считаться с возможностью того, что она имеет перед собой не самостоятельное целое, не объективное, взаимоотношениями своего содержания определенное бытие, потому что рецептивность со стороны субъекта, коррелятивная независимости со стороны объекта, означает, что предмет является для знания внешней данностью. Но он становится внешним для знания, поскольку элементы его содержания внешни друг для друга и друг в друга не включаются. А это означает, что отношения, содержание данного объекта определяющие, лежат вне этого объекта.

Рецептивность поэтому имеет перед собой только «явления», которые не имеют никакого в себе обоснованного существования; ее мир – только мое представление. В самостоятельном целом каждый элемент должен определяться своими взаимоотношениями внутри того же целого. Такое целое по своему определению конструктивно.<...>

Таким образом, преодолевается конфликт между объективностью и конструктивностью знания. Объективное знание не должно быть восприятием или созерцанием непосредственной данности. И так как объективность не заключается в рецепции данного, то признание конст-

руктивности знания не приводит, как это было у Канта, критицизм к субъективизму, к «трансцендентальному идеализму», и все же в философской концепции знания получает признание тот элемент его, который является выразителем научности науки, воплощая ее критический дух, – исследование, которое никогда не есть приятие данного, а, наоборот, преодоление данного, установленного до исследования во имя новых результатов исследования. Объективизм не осужден быть догматизмом, критицизм – субъективизмом. <...> Объективизм, который по знает то, что есть, так, как оно есть, – непассивизм, который приемлет то, что дано, так, как оно дано.

Творческая самодеятельность получает, таким образом, свое место в мире. И не исключена уже возможность строить педагогику на ее основе. Однако признание педагогического значения творческой самодеятельности заключает в себе еще предпосылки, требующие радикального преобразования общераспространенного представления о взаимоотношении субъекта и его деяний. Согласно этому представлению, которое Кант закрепил, дав ему метафизическое выражение в своем учении об интеллигibleм характере, субъект мыслится как виновник или источник своих деяний, в которых он обнаруживается и проявляется. Направляясь на объект, который они определяют и создают, деяния исходят от субъекта. Но если субъект лишь проявляется в своих деяниях, а не ими также сам создается, то этим предполагается, что субъект есть нечто готовое, данное до и вне своих деяний и, значит, независимо от них. Таким образом, субъект как виновник своих деяний определяет свои деяния, сам не определяясь ими. Так как он в них только проявляется, а не ими создается, деяния не входят определяющим фактором в его построение, они не включаются в него.

Личность во всем многообразии своих проявлений не может поэтому сомкнуться в одно внутренне связанное целое. Она разлагается на две гетерогенные составные части. Субъект – то, что в личности есть она «сама», остается за деяниями как его проявлениями: он им трансцендентен. Ее единство распадается. Деяние, не входя в построение самого субъекта, теряет внутреннюю связь с ним. Утрачивая связь с субъектом, деяния тем самым теряют связь и между собой. Личность в итоге представляет из себя действительно только «пучок» или «связку» (Bündel) представлений. Трансцендентальная концепция Канта своими следствиями возвращает к эмпирической концепции Юма. Гибельная в своих последствиях, разрушающих единство личности, эта концепция логически несостоятельна в своих основах. Единство не просто исключается, напротив, оно предполагается, но не осуществляется. Деяния мыслятся отнесенными к определенному субъекту: они его деяния. Но, не входя своим содержанием в построение, в состав его, они не определяют этого субъекта. Эта отнесенность их к нему не проведена в него самого, т.е. в его содержание. Она предполагается и утверждается, но это утверждение не оправдывается, поскольку это отношение по самому характеру своему не может быть установлено объективно, т.е. взаимоотношениями деяний и субъекта, взятых в их собственном содержании. В этом заключается логическая несостоятельность трансцендентности – интеллигибельности характера – как и всякой вообще трансцендентности, а не в том, что она – не чувственная эмпирическая данность. И в этом же заключается несостоятельность популярной концепции о данном в чувственном созерцании, готовом до и вне деяний субъекте, в своих деяниях только проявляющемся, структуру которой кантовское учение об ин-

теллигибельном характере воспроизводит, давая ей лишь метафизическую транскрипцию.

Таким образом, видеть в деяниях только проявления субъекта, отрицать обратное воздействие их на него – значит разрушать единство личности. Бывают, конечно, деяния, которые не определяют характера личности и не включаются в то целое, в котором заключается личность. Но должны быть и такие, которые ее построят; иначе не было бы и ее самой. Итак, субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них создается и определяется. Поэтому тем, что он делает, можно определять то, что он есть; направлением его деятельности можно определять и формировать его самого. На этом только зиждется возможность педагогики, по крайней мере, педагогики в большом стиле. Большие исторические религии понимали и умели ценить эту определяющую силу действий. И культ был не чем иным, как попыткой посредством организации определенных действий породить соответствующее умонастроение. Но концепция абсолютного, на которой основывались исторические религии до сих пор, плохо мирилась с реальным участием человека в творческой деятельности абсолюта. Поэтому действия, которые должны были служить проводниками божественного воздействия на человека, могли быть лишь символическими актами: как деяния они были чисто фиктивны. Организацией не символизирующих и уподобляющих, а реальных, творческих деяний определять образ человека – вот путь и такова задача педагогики. Деятельность, определяющая объект, над которым она производится, определяет тем самым и субъект, который ее производит; работая над ним, он определяет не только его, но и себя. Индивидуальность большого

художника не только проявляется, она и создается в процессе творчества. Такова вообще отличительная особенность всего органического: функционируя, организм сам формируется. Создавая свое произведение, художник тем самым создает и собственную свою эстетическую индивидуальность. В творчестве создается и сам творец. Лишь в созидании <...> этического, социального целого создается нравственная личность. Лишь в организации мира мыслей формируется мыслитель; в духовном творчестве вырастает духовная личность. Есть только один путь — если есть путь — для создания большой личности: большая работа над большим творением. Личность тем значительнее, чем больше ее сфера действия, тот мир, в котором она живет, и чем завершеннее этот последний, тем более завершенной является она сама. Одним и тем же актом творческой самодеятельности создавая и его и себя, личность создается и определяется, лишь включаясь в ее объемлющее целое. Завершенная индивидуальность не значит изолированная единичность.

Примечание автора.

Размышления об объективности, приводимые в этой небольшой, случайно го происхождения статье заимствованы мной из главы II: «Идея знания» моей работы. Заимствования эти представляют из себя краткие, но местами текстуальные выдержки. Я поэтому считаю нужным это здесь оговорить, хотя и не знаю, когда мне представится возможность эту работу напечатать.

Публикуемая статья С.Л. Рубинштейна представляет собой фрагмент его большой, до сих пор не опубликованной рукописи по проблемам онтологии, гносеологии и психологии, относящейся к концу 1910-х – началу 20-х гг. Эта работа – один из первых и переходных этапов на пути к его известной статье «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса» (1934), пере-

печатанной в нашем журнале в 1983г. (№ 2) и содержащей развернутую формулировку принципа единства сознания и деятельности. Данный принцип гласит: человек и его психика формируются и проявляются в деятельности, изначально практической; поэтому психика и изучается через ее проявления в такой деятельности.

Эта философская и психологическая проблема деятельности разработана С.Л.Рубинштейном в ходе глубокого изучения трудов К. Маркса, Ф.Энгельса и В.И.Ленина и критического анализа немецкой классической философии, положившей начало систематическому исследованию проблематики деятельности с идеалистических позиций. Как известно, В.И. Ленин подчеркивал: «Нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его I главы, не прочтудировав и не поняв всей Логике Гегеля» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 162). Критический анализ гегелевской философии С.Л. Рубинштейн дал в своей докторской диссертации, защищенной в Марбурге в 1914 г., а в публикуемой теперь статье 1922 г. он продолжил анализ немецкой классической философии на материале кантовской «Критики чистого разума». Будучи столь квалифицированным специалистом в области философии, а не только психологии, он сразу же обратился к «Экономическо-философским рукописям 1844 г.» К. Маркса, впервые опубликованным в 1927–1932 гг. и заключающим в себе развернутую критику гегелевской диалектики и философии вообще. Эти ранние рукописи К. Маркса представляют для психолога особенно большой интерес, поскольку в них содержится целая система высказываний, непосредственно относящихся к психологии. Их глубокий анализ в сопоставлении с «Капиталом» К. Маркса и возвратил С.Л. Рубинштейн в своей выше указанной статье 1934 г. Таким образом, публикуемая теперь его статья 1922 г.

представляет собой лишь промежуточный и подготовительный этап на пути ко все более глубокой разработке философско-психологической проблематики деятельности.

Эта статья – совсем маленькая по объему, но очень насыщенная и сложная по содержанию – требует для своего правильного понимания внимательного и критического прочтения

С.Л. Рубинштейн стремится преодолеть справедливо критикуемый им конфликт между объективностью знания и творческой самодеятельностью субъекта. По его мнению, между ними нет антагонизма: объективность не только не исключает, а, наоборот, предполагает творческую самодеятельность, поскольку объективное знание не должно быть пассивным созерцанием непосредственной данности; оно является конструктивным, т.е. конструируется, создается, формируется в ходе творческой самодеятельности. Тем самым между объективным и субъективным намечается как бы «прямая (а не обратная) пропорциональность»: чем более активен в своей деятельности субъект, тем более объективным становится конструируемое им знание об объекте. С.Л. Рубинштейн ратует за «объективизм, который познает то, что есть, так, как оно есть», но он не отождествляет его с «пассивизмом», который «приемлет то, что дано, так, как оно дано».

Автор раскрывает сложнейшую диалектику объективного и субъективного, т.е. одну из главных характеристик деятельности (прежде всего познавательной). По его мнению, необходимо, но недостаточно ограничиваться общим утверждением, что объективность знания состоит в независимости его предмета от познания. Он показывает, что в «реалистической» философской системе (т.е. по существу в метафизическом материализме), например, у Д. Локка это общее утверждение ошибочно конкрети-

зируется через соотношение вторичных (субъективных) и первичных качеств, поскольку лишь первичные относятся к объективному бытию. С.Л. Рубинштейн справедливо критикует подобные неверные точки зрения за то, что они устанавливают как бы «обратную пропорциональность» между субъективным и объективным в познавательной деятельности субъекта: чем больше сфера познавательного содержания (например, вторичные качества) обнаруживает свою зависимость от познающего субъекта, тем дальше соответственно этому отодвигается сфера объективного бытия.

В данном отношении особенно резкой критики, по мнению С.Л. Рубинштейна, заслуживает позитивизм, доводящий до предела вышеуказанную «обратно пропорциональную» зависимость. С точки зрения позитивиста (и, в частности, эмпирика), объективным может быть лишь то, что дано непосредственно, т.е. помимо познавательной деятельности субъекта, которая тем самым как бы стремится к нулю (если же знание получено в результате такой деятельности, оно признается лишь субъективным и потому неадекватным). Очень отчетливо эта позитивистская трактовка объективности выступает на примере чувственного познания. Последнее ошибочно характеризуется как чистая рецептивность, т.е. полная пассивность и антипод (отрицание) деятельности. Эту неверную трактовку познания С.Л. Рубинштейн определяет как пассивизм. В итоге деятельность вовсе изгоняется позитивистом из познания, поскольку она, будучи всегда субъективной (т.е. осуществляемой только субъектом), якобы лишь искажает объективность знания. Но тогда неизбежен конфликт между объективностью знания и творческой самодеятельностью субъекта. Разрешение данного конфликта и является главной задачей публикуемой статьи.

Таким образом, критикуя и преодоле-

вая локковскую, позитивистскую, а затем также и кантовскую теорию, С.Л. Рубинштейн показывает, что все они в той или иной степени пытаются реализовать общий критерий объективности знания, заключающийся в независимости предмета от познания, но делают это неправильно, поскольку не учитывают подлинной диалектики объективного и субъективного, характеризующей любую деятельность субъекта. Иначе говоря, С.Л. Рубинштейн возражает здесь не вообще против вышеуказанного (и, конечно, бесспорного) критерия объективности знания, а только против ошибочных трактовок этого критерия. Например, он справедливо критикует Канта за то, что для него данный критерий выступает лишь как негативный и чисто внешний – без учета сложнейших содержательных соотношений между субъектом и объектом, раскрываемых в ходе деятельности даже на уровне чувственности, не являющейся тем самым пассивной рецептивностью.

Всю эту сложнейшую проблематику С.Л. Рубинштейн разработал глубоко, детально и четко в своих последующих рукописях, статьях и книгах и прежде всего в обеих своих философских монографиях «Бытие и сознание» (1957) и «Человек и мир» (1973), где были наиболее строго и точно соотнесены друг с другом онтологический (бытие) и гносеологический (объект) аспекты проблемы. «Бытие существует и независимо от субъекта, но в качестве объекта оно соотносительно с субъектом. Вещи, существующие независимо от субъекта, становятся объектами по мере того, как субъект вступает в связь с вещью и она выступает в процессе познания и действия как вещь для нас» (Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957. С. 57. См. об этом также статью «Объект» в «Философском энциклопедическом словаре». М., 1983). Именно с таких позиций С.Л. Рубинштейн и разработал свою концепцию субъективного и объективного,

субъекта и объекта, деятельности субъекта и т.д. По его мнению, объективный и субъективный идеализм, а в конечном счете также антипсихологизм психологизм связаны с довлеющей над этими философскими направлениями ложной альтернативой, согласно которой содержание знания либо объективно – и тогда оно существует помимо познавательной деятельности субъекта, либо оно есть продукт этой деятельности – и тогда оно только субъективно. Между тем в действительности никакие идеи, понятия, знания не возникают помимо познавательной деятельности субъекта, что не исключает, однако, их объективности. Объективность знания не предполагает того, что оно возникает помимо познавательной деятельности человека; все идеальное содержание знания – это и отражение бытия и результат познавательной деятельности субъекта. Необходимо различать: 1) субъективность психического как принадлежащего субъекту и 2) субъективность как неполную адекватность объекту познания. В первом смысле слова вся психика человека и его познание – всегда субъективны. Всякое научное понятие есть и конструкция мысли и отражение бытия (подробнее см. «Бытие и сознание», с. 41–70 и др.).

Ясно теперь, что зародышем всей этой философско-психологической концепции (хотя во многом еще не совершенным) и является публикуемая статья 1922 г. В конце статьи С.Л. Рубинштейн раскрывает общее понимание деятельности (не только познавательной) в соотношении с личностью и дает первую формулировку своего будущего принципа единства сознания и деятельности: «Итак, субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них создается и определяется» (здесь деяние есть синоним действия, дела). Важно учесть, что автор имеет в виду реальную, конк-

ретную, жизненно важную деятельность субъекта, а не абстрактную или формальную чистую активность: «Организацией не символизирующих и уподобляющих, а реальных, творческих деяний определять образ человека – вот путь и такова задача педагогики».

Намеченный здесь принцип творческой самостоятельности С.Л. Рубинштейн разрабатывает также и в интересах педагогики, призванной, по его мнению, развивать у учащихся самостоятельность, творческий подход и инициативу (в частности, с помощью того, что теперь называется проблемным обучением). Поскольку, по его мнению, деятельность является самостоятельной и творческой, то именно в этом качестве она необходимо становится важнейшим условием развития человека.

В «Истории философии в СССР» (М., 1985. Т. 5. Кн. 1. С. 739) отмечено, что все эти (выше процитированные) «мысли предвосхищали концепцию единства сознания и деятельности, разработанную С.Л. Рубинштейном в 30-х годах». Более подробная и полная оценка данной статьи С.Л. Рубинштейна 1922 г. станет возможной лишь после тщательного изучения его еще не опубликованных рукописей по проблемам онтологии, психологии и т. д., находящихся в его архиве, который хранится в Отделе рукописей Всесоюзной Государственной библиотеки им. В.И. Ленина.

Статья С.Л. Рубинштейна «Принцип творческой самостоятельности» (публикуемая здесь с некоторыми сокращениями) и комментарии к ней подготовлены А.В. Брушлинским.

PRINCIPLE OF CREATIVE SELF-LEARNING (On the Philosophical Basis of Modern Pedagogy)

SERGEY RUBENSTEIN

Real and meaningful learning is a creative process. Skills and knowledge cannot be downloaded like computer software, they must be acquired, constructed and mastered— through long-term application and effort. Those who have studied successful skill mastery describe a common process that is followed, one that requires practice, effort, patience, experimentation and deep concentration.

Take the example of language learning. All children are born with the natural ability to learn new languages, they have brains that we might compare to language learning “hardware” in a computer. Over time they master the language of those who surround them, what we might compare to software. But this is where the similarity between computers and humans ends.

With a computer you simply transfer the data from one location to another. With human beings new knowledge must be practiced and applied in meaningful situations, so that lasting comprehension and skills develop. Like the body taking in raw materials and transforming them into muscles and bones there is a very organic and constructive process that happens in our brains. Our minds are designed to learn that way. This is why force-feeding decontextualized “knowledge” and then measuring retention with standardized tests is a dead end approach to education. While a computer can retain information that doesn’t mean it understands how to use it.

Tests that focus on memorization of data or a narrow range of skills do not measure deep comprehension and mastery. They also fail to assess social and emotional competence, as well as other “soft” skills which are absolutely essential for career and life success.

Human beings are not empty containers or machines into which information can just be downloaded in one direction. Practical skills and abilities only develop when learning is interactive, creative and dynamic. Knowledge has to be applied directly and used creatively in meaningful situations.